

УДК 821.161.1

И. В. Разуменко, Т. Н. Щекина

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

І. В. РАЗУМЕНКО, Т. М. ЩОКІНА. ЛЮБОВНА ЛІРИКА Є. П. РОСТОПЧИНОЇ.

Стаття присвячена аналізу любовної лірики Є. П. Ростопчиної, активна поетична діяльність якої припадає на 30–40-і роки ХІХ століття. Вірші поетеси є невід'ємною частиною російської романтичної поезії цих років, що відбила духовну атмосферу, яка встановилася після розгрому декабристського руху. Найбільш повного вираження поетичний дар Ростопчиної досяг, мабуть, саме в любовній ліриці. У віршах поетеси любов – це радість, муки, страждання. Потрібно сказати, що любовна лірика Ростопчиної, залишаючись суто особистісною, набуває узагальнюючого сенсу. Стриманість, багатозначна недомовленість, пристрасть, яка бореться з цнотливістю душі, – ось основні ознаки віршів Ростопчиної, присвячених темі любові. Таким чином, «любовний» текст поезії Ростопчиної, що виріс у своєрідний ліричний роман, являє собою оригінальне явище у російській літературі.

Ключові слова: романтизм, Є. П. Ростопчина, емансипація, любовна лірика.

И. В. РАЗУМЕНКО, Т. Н. ЩЕКИНА. ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

Статья посвящена анализу любовной лирики Е. П. Ростопчиной, активная поэтическая деятельность которой приходится на 30–40-е годы ХІХ века. Стихотворения поэтессы являются неотъемлемой частью русской романтической поэзии этих лет, отразившей духовную атмосферу, которая установилась после разгрома декабристского движения. Наиболее полного выражения поэтический дар Ростопчиной достиг, пожалуй, в любовной лирике. В стихотворениях поэтессы любовь – это радость, мука, терзание, страдание. Нужно сказать, что любовная лирика Ростопчиной, оставаясь сугубо личностной, приобретает обобщающий смысл. Сдержанность, многозначительная недосказанность, страсть, борющаяся с целомудрием души, – вот основные приметы стихотворений Ростопчиной, посвященных теме любви. Таким образом, «любовный» текст поэзии Ростопчиной, выросший в своеобразный лирический роман, представляет собой оригинальное явление в русской литературе.

Ключевые слова: романтизм, Е. П. Ростопчина, эмансипация, любовная лирика.

I. V. RAZUMENKO, T. N. SHCHEKINA. E. P. ROSTOPCHINA'S LOVE LYRICS.

The article is devoted to the analysis of E. P. Rostopchina's love lyrics. The appearance of Rostopchina's lyrics among other female writers in the Russian literature became an echo of a corresponding tendency of the world literature. On the literary arena appeared whole groups of poetesses from Germany (Amalia Imhof, Carolina Woltsogen, Sofia Mero, Frederica Brune), from France (Marcelina Debord-Volmor, Delfina Ge, Amable Tastyu, Eliza Merker) and other countries. This phenomenon was closely connected with the ideas of Romanticism supporting freedom and value of each human person. The considerable impact on this process was exerted also by George Sand's work which grew on romantic traditions performed pathos of emancipation of feelings.

The vigorous poetic activity of Rostopchina was in 30–40th years of the ХІХth century. The poems which we have now are an integral part of Russian romantic poetry of these years which reflected the spiritual atmosphere which had been established after defeat of Decembrists.

The poetic gift of Rostopchina reached the most complete expression in love lyrics. In the poems of the poetess the love is joy, pain, torment and suffer. It is necessary to say that Rostopchina's love lyrics, remaining especially personal, have generalized sense. The restraint, significant understatement, passion struggling with chastity of soul are the main signs of Rostopchina's love poems.

Thus, the «love» text of Rostopchina's poetry, developed into a peculiar lyrical novel, was the original phenomenon of Russian literature comparable to “denisievskiy” cycle of F. I. Tyutchev.

© И.В. Разуменко, Т.Н. Щекина, 2016

<http://doi.org/10.5281/zenodo.165272>

Keywords: romanticism, E. P. Rostopchina, emancipation, love lyrics.

Приход в русскую литературу женщин-писательниц, к числу которых принадлежала и Ростопчина, стал отзвуком соответствующей тенденции в мировой литературе. На литературной арене появились целые группы поэтесс в Германии (Амалия Имгоф, Каролина Вольцоген, София Мери, Фредерика Брун), Франции (Марселина Деборд-Вольмор, Дельфина Ге, Амабль Тастю, Элиза Меркер) и других странах. Это явление было тесно связано с идеями романтизма, выступавшего за свободу и ценность каждой человеческой личности. Значительное влияние на этот процесс оказало и выросшее на романтических традициях творчество Жорж Санд, исполненное пафоса эмансипации чувств.

Цель данной работы – проанализировать любовную лирику Е. П. Ростопчиной, определить место поэтессы в русском романтизме. Выявить своеобразие поэтического стиля автора.

Активная поэтическая деятельность Ростопчиной приходится на 30–40-е годы XIX века. Стихотворения поэтессы являются неотъемлемой частью русской романтической поэзии этих лет, отразившей духовную атмосферу, которая установилась после разгрома декабристского движения.

Наиболее полного выражения поэтический дар Ростопчиной достиг, пожалуй, в любовной лирике. В стихотворениях поэтессы любовь – это радость, мука, терзание, страдание. Нужно сказать, что любовная лирика Ростопчиной, оставаясь сугубо личностной, приобретает обобщающий смысл. Сдержанность, многозначительная недосказанность, страсть, борющаяся с целомудрием души, – вот основные признаки стихотворений Ростопчиной, посвященных теме любви.

Склонная к размышлению, поэтесса серьезно думала над тем, что такое любовь, и вот к какому результату привели ее думы: любовь – великая сила для женщины. В «Равнодушной» Ростопчина высказывает мысль, что женщина – это посредница между Божеством и светом, ее цель – творить добро и любить, «...И женщина, любовь отвергнувши обетом, / Не в праве более сестрою нашей быть» [7, с. 35].

Итак, назначение женщины – любить; в этом назначении и состоит смысл жизни. Веру в возрождающую и призывающую к жизни силу любви мы наблюдаем в небольшом стихотворении «Когда б он знал».

Согласно авторской концепции, есть три рода любви (стихотворение «Три любви»): материнская, которая хранит, греет, бережет; любовь сестры, приходящая во время невзгод, чтобы исцелить тоску; и любовь – «...бесценный перл, она душистый цвет, / И ей меж радостей земных подобной нет!» [8, с. 77]. Но любовь последнего типа бывает «бесценным перлом» лишь тогда, когда ею пылают люди совершенно свободные, когда между ними есть «много созвучий», когда их обвила цепь созвучий («На прощанье»). Но если то же самое святое и нежное чувство охватывает сердца несвободных людей, то оно причиняет влюбленным величайшие страдания. Подобного рода несчастной любви посвящено немало стихотворений Ростопчиной. В стихотворениях «На прощанье», «Встреча», «Ссора» и ряде других звучит жалоба женщины, не нашедшей в любви счастья. И это не пустые декларации, за этим стоит судьба самой Ростопчиной. Как известно, поэтесса в супружестве не нашла удовлетворения врожденной потребности сердца, брак с А. Ф. Ростопчиным не принес ей счастья. Этим горьким чувством разочарования объясняется содержание многих произведений поэтессы, в которых изображены страдания и сожаления женщин.

Лирическая героиня поэзии Ростопчиной максимально близка автору, о чем свидетельствует как автобиографический характер многих произведений Ростопчиной, так и глубина переживаний лирического субъекта, высокая степень экспрессивности всего строя лирики поэтессы. Но в связи с этим возникает проблема, долгое время остававшаяся за пределами исследовательского внимания, касающаяся степени автобиографизма и вытекающего отсюда вопроса об адресате интимной лирики Ростопчиной.

Особенностью любовной лирики поэтессы стало некоторое отступление от традиций женской поэзии ее времени. Свойственная женской поэзии первой половины XIX века наряду с темами материнской и родственной любви тема любви супружеской ни разу не поднималась в лирике Ростопчиной. Доминантой ее поэзии стала любовь-страсть, не оставляющая в душе места иным чувствам и дарующая ей полное блаженство.

В лирике Ростопчиной прослеживается развитие любовного чувства: его зарождение, ожидание любви ответной, противоречивые эмоции, вызванные взаимным порывом, переживания, связанные с изменой возлюбленного и т. д. Это дает основания предполагать, что объект чувства лирической героини Ростопчиной, о котором речь идет только в третьем лице и который ни разу не называется по имени, не был одной лишь фантазией поэтессы. Он близок некоему конкретному человеку, которому она продолжительное время симпатизировала.

Многие исследователи творчества Ростопчиной, в частности, считавшие ее холодной светской «львицей» Н. Г. Чернышевский и автор первого обширного труда о личной и творческой биографии поэтессы Е. С. Некрасова, полагали, что в лирике нашли отражение ее мимолетные увлечения. Этого мнения придерживаются и современные ученые, издававшие и комментировавшие произведения Ростопчиной.

Приближение к глубокому прочтению интимной лирики поэтессы осложнялось и отсутствием эпиграфов к ряду стихотворений, которые были убраны заботившимся о чести сестры С. П. Сушковым, подготовившим издание произведений Ростопчиной 1890 года. И только В. С. Киселев-Сергенин в статье «Тайна графини К. П. Ростопчиной», приводя точные факты из жизни писательницы, убедительно доказывает, что безымянный возлюбленный лирической героини поэзии Ростопчиной – это Андрей Николаевич Карамзин, сын знаменитого историка Н. М. Карамзина.

История отношений Е. П. Ростопчиной и А. Н. Карамзина оказала огромное влияние на весь строй любовной лирики поэтессы и является своеобразным ключом к прочтению многих ее произведений.

Весной 1840 года произошла встреча Карамзина с Ростопчиной, муж которой, по стечению обстоятельств, был в отъезде. Факт весеннего свидания в деревне подтверждают строки из письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому от 1 апреля 1840 года, а также позднее стихотворение Ростопчиной «Весенний гимн» (10 мая 1851 года):

*Я знаю бль... Давно в степи далекой
Была весна... цветущая весна,
И праздник свой справляла там она...
...И двое там... он и она... сошлись...
Сошлись вдруг, нечаянно, неожиданно,
Влюбились и ожили душой... [6, с. 277].*

Именно эта встреча стала началом счастливого периода в любовной истории, длившегося на протяжении 1840–1843 годов и подарившего Ростопчиной двух дочерей.

События романа Ростопчиной и Карамзина послужили толчком для медитаций лирической героини ее поэзии 1837–1857 годов, в которой явно прослеживается сюжет сложного развития любовного чувства.

Стихотворение «Встреча», написанное 23 октября 1837 года, отмечает появление в душе героини чувства, вызванного встречей с неизвестным. Это сильное романтическое переживание намечает и усиливающуюся в последующих лирических произведениях внутреннюю борьбу между желанием отдаться всепоглощающей страсти и необходимостью быть верной супружескому долгу. Уже в этом стихотворении появляется мотив невозможности счастья, вызванной роковым стечением обстоятельств. Обратим внимание, что у «Встречи» имеется эпиграф, который отсутствует как в современном издании [8, с. 45], так и в подготовленном братом поэтессы С. П. Сушковым издании 1890 года. Отсутствие эпиграфов и во всех остальных стихотворениях, вошедших в эту книгу, свидетельствует о желании С. П. Сушкова скрыть даже слабые намеки на тайный роман сестры. Между тем, текст эпиграфа отсылает к адресату лирической медитации. В переводе с французского языка он звучит примерно так: «*Этот прекрасный молодой странник, с томным взором, бледнолицый, с мечтательной улыбкой, с таким роковым голосом*» [6, с. 273]. Дошедший до нас портрет Андрея Карамзина, воспоминания о нем современников подтверждают мысль о том, что во «Встрече» поэтесса говорит именно о Карамзине. «Странником» в эпиграфе он назван потому, что очень долго путешествовал по Европе, посетил Германию, Францию, Италию, и знакомство Ростопчиной с ним произошло сразу же после возвращения молодого человека на родину. Последующие стихотворения Ростопчиной – «Та же мысль в других словах» (24.10.1837), «Разговор во время мазурки» (11.11.1837), «Ответ» (декабрь 1837), «Ссора» (10.03.1838), «Последнее слово» (24.04.1838), «Вы вспомните

меня» (апрель 1838) – продолжают тему «Встречи». Все эти произведения созданы под влиянием свиданий и объяснений поэтессы с любимым человеком. Таким образом, лирика Ростопчиной этого периода отличается исповедальностью, становится стихотворным дневником.

Созданные в период двухлетнего пребывания Ростопчиной в воронежском имении мужа стихотворения отражают петербургские впечатления поэтессы. Неоднократно звучит в них тема любви в разлуке, которую не может победить расстояние, – «В степи» (май 1838), «Может быть» (май 1838), «Недоконченное шитье» (октябрь 1839). Героиня томится в разлуке с любимым, к которому «душа стремилась» и «кого в кумиры избрала», хочет знать, думает ли он о ней или уже забыл, ревнует его к петербургским красавицам, боится быть обманутой. Ей интересно, кому теперь он твердит: «Люби и верь!..» («В степи»). Постепенно в ее душе слабеет надежда на сохранение любви («Недоконченное шитье»).

Продолжает лирико-исповедальную линию поэзии Ростопчиной поэма «Любовь в Испании» (1839). Это типично романтическое произведение, с характерной для него темой прегрешенной страсти и ярким экзотическим колоритом.

Весенняя встреча Ростопчиной и Карамзина, на несколько лет соединившая сердца влюбленных, также нашла отражение в поэзии Ростопчиной. В стихотворении, помеченном 17 мая 1840 года, лирическая героиня говорит о своем душевном возрождении, импульс которому дало сбывшееся желание быть вместе с возлюбленным. В нем есть такие строки, подтверждающие высокую степень автобиографичности лирики этого периода: «Два года я ждала, желала безнадежно, / О чем мечтала я в слезах тоски мятежной...» [6, с. 273]. В произведениях, датированных августом – сентябрем 1840 года («Благодарю!», «Часы уединенья», «У окна в лунную ночь», «Боюсь»), лирическая героиня рассказывает о событии-чуде, принесшем ей несравнимую радость. Ощущением счастья наполнен ряд стихотворений 1840–1843 годов, отразивших эмоциональный подъем поэтессы, – «Молитва за себя», «Верую», «Запретный кубок», «Накануне Нового года», «Подаренный букет».

Перемена в настроении лирической героини Ростопчиной к 1844 году связана с событиями в жизни поэтессы, повергшими ее в отчаяние (отъездом Карамзина на Кавказ и поездкой самой Ростопчиной за границу), о чем свидетельствуют строки ее записей в так называемой «Черновой книге Пушкина»: «В 1844 году не написано ни одного стиха <...> Жизнь поглотила все силы души и сердца... Для поэзии ничего не осталось» [6, с. 278]. По дороге за границу Ростопчина пишет стихотворение «Молитва в грустный час» (16.09.1845), в котором звучит мотив предвидения грядущего несчастья: «Кто знает, может быть, бывалый друг / Врагом предстанет мне...» [6, с. 279].

Стихотворения, созданные в период пребывания в Италии, содержат размышления лирической героини о случившемся и тяжелые предчувствия грядущих несчастий. Представляющие собой исповедь, обращенную, прежде всего, к своей душе, соединенную с попыткой самоанализа, они одновременно адресованы и возлюбленному, с которым поэтесса ведет несколько завуалированный разговор. В стихотворении «Прошение святому Антонию Падуанскому» (октябрь 1845) героиня Ростопчиной обращается к святому, согласно местному преданию, обладающему способностью возвращать молящим утраченное. Уже здесь звучит мотив болезненной разлуки с родиной, усиливающийся в «Первом взгляде на Неаполь» (апрель 1846). Разделявшая духовные интересы Андрея Карамзина, очарованного Италией, Ростопчина была тоже увлечена Италией и долгое время мечтала побывать в этой стране, о чем свидетельствуют стихотворения 1831–1840 годов («Италия», «Фантазия», «Черная немочь», «Туда, где жизнь»). Но теперь Италия не радует поэтессу, а вызывает лишь грустные думы: «Мне дико, тяжело... Тревожное дыханье <...> // Как будто надо мной небесный приговор / Здесь тайно высказан, как будто злое горе / Мне возвещается в предчувствии моем...» [6, с. 279]. Мысли об обреченности любви, вмешательстве в нее злого рока в лирике Ростопчиной этого времени во многом связаны с получением известия о помолвке Андрея Карамзина, с которым поэтесса находилась в переписке до января 1846 года, и Авроры Демидовой-Шернваль.

Своеобразным откликом на этот брак явилась итальянская поэма «Донна Мария Колонна Манчини» (июнь 1846). Как отмечает В. С. Киселев-Сергенин в статье «Тайна графини Е. П. Ростопчиной», это произведение – «беспрецедентный в русской литературе разговор автора издалека с единственным сокровенным читателем, выведенным в поэме под маской исто-

рического лица» [6, с. 281]. Поэма, описывающая события, произошедшие с историческими лицами, превращается в обращение поэтессы к Карамзину.

Как уже было упомянуто ранее, в сентябре 1847 года Ростопчина вернулась на родину, но ей не пришлось увидеться с бывшим возлюбленным. Из-за его женитьбы она не имела возможности и переписываться с ним. Поэтому единственным средством общения с Карамзиным для нее стала поэзия. Ряд стихотворений той поры явно рассчитан на то, что они могут быть прочитаны Карамзиным.

Лирическая героиня поэзии Ростопчиной, расставшись с любимым, как Мария Манчини, навсегда сохраняет свое чувство к нему. В «Эпilogе», являющемся реакцией поэтессы на решение Андрея Карамзина сражаться на Дунае, звучит мотив тревоги за судьбу любимого человека. После трагической гибели Карамзина (16.05.1854) Ростопчина простила ему все мучившие ее обиды. В последующих произведениях образ любимого лирической героини представлен в «*небывалом поэтическом ореоле*» [6, с. 283] («Стансы»).

Как видим, двадцатилетняя сосредоточенность душевной жизни поэтессы на любовном чувстве к Андрею Карамзину опровергает мнение о Ростопчиной Н. Г. Чернышевского. Согласно этому мнению, поэтесса была легкомысленной женщиной, не способной на сильное чувство, что влекло за собой вялость и сухость ее произведений, обусловленных пустотой и холодностью ее внутреннего мира [10, с. 467]. Напротив, пламенная, пылкая любовь Ростопчиной, как показывает исследование В. С. Киселева-Сергенина, дала огромный импульс развитию всей ее поэзии. За 1837–1857 годы были созданы четыре поэмы и несколько десятков стихотворений, которые вместе образуют уникальный поэтический цикл, объединенный идейно-тематической общностью, единым образом лирической героини и всем лирическим строем произведений. Вероятно, лишь забота о собственной репутации в обществе не позволила поэтессе свести соответствующие стихотворения в некое художественное единство, своеобразный лирический роман, подобно тому, как в меньших масштабах она это сделала в «Неизвестном романе».

«Неизвестный роман» является произведением своеобразной структуры. Он состоит из цикла стихотворений, переросших в лирическую поэму. Каждое произведение, сохраняя самостоятельную художественную целостность, представляет собой маленькую главу любовной истории лирической героини и безымянного героя.

В 50-е годы в творчестве Ростопчиной сформировалась своеобразная традиция практически ежегодных воспоминаний о майской встрече. «Весенний гимн» (1851), «Майскому соловью» (1852), «Майская песнь» (1853), «В майское утро» (1857) выражают тоску героини по утраченному блаженству и верность своему чувству.

Таким образом, «любовный» текст поэзии Ростопчиной, выросший в своеобразный лирический роман, представляет собой оригинальное явление русской литературы, в известном отношении сопоставимое с «денисьевским» циклом Ф. И. Тютчева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Стихотворения графини Е. П. Ростопчиной / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 тт. Т. V: Статьи и рецензии. 1841–1844. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 456–461.
2. Берковский Н. Я. О романтизме и его первоосновах / Н. Я. Берковский // Проблемы романтизма. Вып. 2. – М.: Искусство, 1971. – С. 5–18.
3. Веселовский Ю. Поэзия графини Е. П. Ростопчиной. 1811–1858 / Ю. Веселовский // Этюды по русской и иностранной литературе. Т. 1. – М.: Звезда, 1913. – С. 5–12.
4. Воспоминания С. М. Загоскина // Ист. Вестник. – 1900. – № 4. – С. 51–72.
5. Захаркин А. Ф. Русские поэты второй половины XIX века / А. Ф. Захаркин. – М.: Просвещение, 1975. – 255 с.
6. Киселев-Сергенин В. С. Тайна графини Е. П. Ростопчиной / В. С. Киселев-Сергенин // Нева. – 1994. – № 9. – С. 267–284.
7. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / Е. П. Ростопчина. – М.: Сов. Россия, 1986. – 448 с.
8. Ростопчина Е. П. Талисман: Избранная лирика. Драма (Нелюдимка). Документы, письма, воспоминания / Е. П. Ростопчина. – М.: Моск. рабочий, 1987. – 319 с.

9. Скатов Н. Н. Русские поэты / Н. Н. Скатов. – М.: Правда, 1977. – 64 с.
10. Чернышевский Н. Г. Стихотворения графини Е. П. Ростопчиной. Т. 1. – СПб., 1856; Т. 2. СПб., 1856 // Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. – М.: Гослитиздат, 1947. – Т. 3. – С. 453–468; 611–615.

(Статья поступила в редакцию 26 октября 2016 г.)